

Виктор АСТАФЬЕВ:

Я — последний, кто разочаруется в человеке

Известия, 1997, 6 дек. — с. 1, 6

Только что Виктор Астафьев прилетел из Казани, где ему вручили премию «За честь и достоинство таланта», учрежденную Международным литфондом. Присуждена она была также Д.Лихачеву и В.Быкову. Посмертно — А.Адамовичу и Б.Окуджаве.

Корреспондент «Известий» Алексей Тарасов побывал у Астафьева еще до этой его поездки. Пришел узнать, что с его страшной ношей — третьей книгой романа «Прокляты и убиты», где он обещал показать послевоенную жизнь, распадающиеся, как развязанный сноп, судьбы недавних солдат. Как пережившие войну не выдержали тягот жизни мирной.

— Виктор Петрович, как пишется, как вы себя чувствуете?

— Если говорить о здоровье, то для моего возраста оно еще ничего. Многие мои сверстники очень разрушены, с палками ходят. У меня тоже она есть, но я ее брать боюсь, думаю, если возьму, значит, уже сдался. Вот только что вынул листов на 12—13 повесть. Очень тяжело она далась. Есть такие вещи — отпишешься и, слава Богу, разгря-

зишься, а есть те, которые душу вынимают. Повесть — о послевоенной нашей с Марьей Семеновной жизни, ничего я там не выдумываю и не скрываю, имена все подлинны. Посвящена двум дочерям нашим, Лидии и Ирине, угробленным жизнью. Первая девочка с голода умерла, вторая маленькой переболела серьезно, и в 39 лет закончилась ее земные сроки — большое с детства сердце.

Недавно ездил в Чусовой — навестить могилу первой дочери, и родителей Марьи Семеновны. Да и действие этой повести там происходит, надо было посмотреть на город, прежде чем ее завершать. И вот в Чусовой, где мы с голода чуть не умерли, где дочку уморили, меня встречали с хлебом-солью, мигалками, девченок в кокошники нарядили. Помпезную ограду соорудили вокруг халупки, где мы жили...

Писать о послевоенной жизни еще тяжелее, чем о войне. Я говорил как-то Марье Семеновне, что борьба за выживание после войны в каких-то своих измерениях была страшнее самой войны. На фронте ты все-таки кому-то принадлежал, худо-бедно тебя кормили. Ругали, пинали, в бой призывали, но кормили. И за тебя думали — вот что главное. Меня что всегда потрясло на фронте — вроде совсем уж измощены сол-

датики, едва ноги волокут, особенно молодые. Бледные, заросшие, грязные... А помылись, отоспались маленько, начинают хохотать, про баб говорить, и ведь морды толстеют — это на фронте-то! У артиллеристов многих, особенно в расчетах, морды были такие красные — с курортов такими не приезжают. Вот что значит освобождение от всякой заботы о себе и от дум духовного порядка. Самая большая бездуховность кроется все-таки в армейской жизни. Маршал Сергеев, честный, видимо, человек, говорит, что только 6 процентов офицеров говорят с солдатами на «вы», что до порядка там так далеко — черт ногу сломает. Но это ж все присутствовало и на фронте — в меньшей, конечно, степени, поскольку и общество меньше было испорчено.

(Окончание на последней стр.)

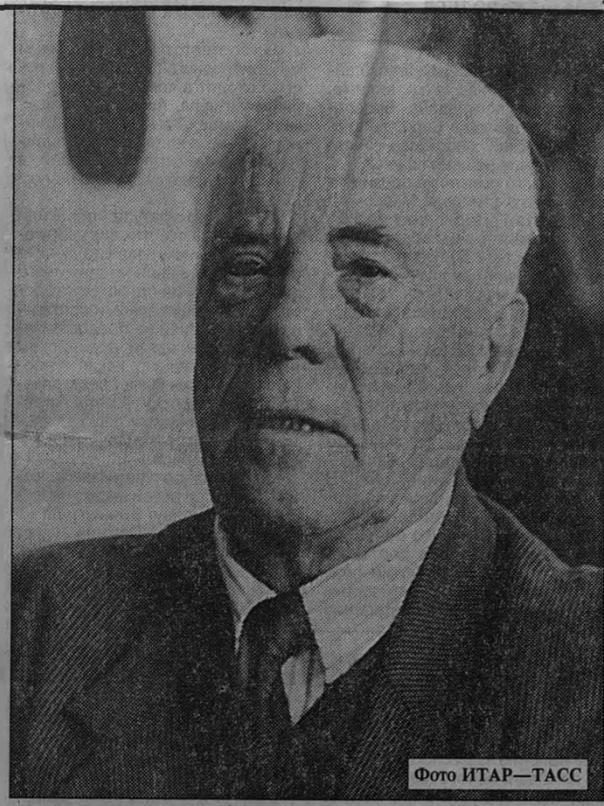

Фото ИТАР—ТАСС

Виктор Астафьев:

Я — последний, кто разочаруется в человеке

(Окончание. Начало на 1-й стр.)

В 34-м году выловили утопленницу-мать, и пикетчик у нее, распухшей от воды, почерневшей, отрезал палец с обручальным кольцом. Отпиллил складником... А на фронте уже началось: не только обшаривали карманы мертвецов, но и вырывали зубы, отрубали пальцы лопатками. Особенно свирепствовали похоронные команды. Часто вынуждены были разувать трупы. И я разул мертвеца один раз. Сапоги кирзовые мне малы были, ноги мерзли, и я стянул с лейтенантика новые ботинки...

На фронте я услышал страшные строки, написанные в 44-м: «Мой товарищ, в смертельной agonии / Не зови ты на помощь друзей, / Лучше дай-ка согреть ладони я / Над дымящейся кровью твоей, / И не плачь, не стони, словно маленький, / Ты не ранен, Ты просто убит. / Дай-ка лучше стяну с тебя валенки, / Мне еще воевать предстоит».

Виктор Петрович, потирая пальцы с чернильными пятнами, читает стихи по памяти. Негромко, задыхающимся голосом. Пишущая машинка, за которой в соседней комнате работает Мария Семеновна, на время умолкает. За это стихотворение, ставшее потом песней, могли расстрелять и автора, и тех, кто распространял, и тем не менее я его потихоньку ночью читал. В конце года был ранен. И потом я долго вспоминал строки, думая, где, как я их услышал... Уже спустя много лет пришло письмо от одного командира роты, тамбовского: не знаете ли вы, Виктор Петрович, такую песню, в которой вся наша война, мы пели ее. И я все вспомнил. Евтушенко включил эти строки в раздел безвестных авторов, но автор все-таки нашлся. Был он лейтенантником в санбате, сейчас живет в Израиле.

И еще Евтушенко считал без автора знаменитое «Будь проклята ты, Кольма». Я знаю автора — это Борис Рунев. При жизни он так и не признался в авторстве. Стариком был уже, лауреатом, а признаваться боялся.

— Название повести уже дали?

— Да, «Веселый солдат». Это ведь были наброски третьей книги романа «Прокляты и убиты». Но сначала я вынул часть материала оттуда и написал повесть «Так хочется жить», потом, также на основе набросков к третьему тому романа, написал еще одну повесть — «Обертон». А остатки рукописи я решил под старым названием — «Веселый солдат» — дать как вариант в 13-м томе, где будут напечатаны отрывки, пьесы, сценарии, в общем, все то, что мало кому известно. А потом посмотрел-посмотрел, что-то поправил, потом еще и еще, увлекся и стал работать.

— Так это ее заявляет сейчас «Новый мир» на будущий год?

— Да, и я вот позавчера поставил точку в ней. Черновик сделал летом, а сейчас очень тяжело дорабатывать. Надо бы ей отлежаться подольше. Но я уже больше не могу, сил у меня нет, и мне уже не выровнять ее, как «Пастуха и пастушку». Третий день сплю по 12 часов и не высыпаясь, вчера еще днем спал. Такой износ большой. Спина болит... Эти три повести, «Так хочется жить», «Обертон» и «Веселый солдат», избавляют меня от обязанности писать третью книгу романа. Я не буду ее писать.

— Как же так, фронтовики вам писали, что вы, Виктор Петрович, призваны Все-вышним закончить этот труд, только вам дано...

— Мне не хватит ни здоровья, ни сил. И потом замысел куда-то ушел, очень уж крутые выражи выписывал, а об этой страшной жизни надо все-таки рассказывать просто. И эти повести просто написаны, без всяких выкрутасов. Не буду больше браться за третью книгу, буду писать о природе и «затеси». Может, пьесу напишу — ее от меня Пушкинский театр ждет.

— Сразу после выхода первой книги «Прокляты и убиты» стало ясно, что мно-

гие и помне не готовы к восприятию правды о том, как режим превращал в пыль наш народ, какой ценой оплачены наши победы. Краснояры были свидетелями шаша, устроенного коммунистическими Геростратами местного масштаба, вам угрожали, хотели даже к суду привлечь...

— Так до сих пор угрожают. Какой-то все пишет: «Я тебе глаз последний выколю». Пишут от имени всего народа. Мы, народ, тебя четвертуем. Так и идут письма с матогами: кол осиновый чтоб у тебя через рот вышел...

— Красноярский комбинат «Офсет» отпечатал уже девятый том вашего 15-томного собрания сочинений. А когда готовился к печати первый том, вы говорили, что это главное событие в вашей жизни.

— Конечно. Мне удалось то, что не получили у многих русских писателей, даже более солидных и знатных, чем я. А нечаянно вроде вышло. Поначалу авантюрист один из Новосибирска взял крупный кредит, решил на него построить своей организации здание, создать издательство и для начала напечатать мое собрание сочинений в 14 томах. Подбил меня на это дело, договор со мной заключил, даже подписку провел, по сто рублей взял с людей. Пусть они извинят нас, свои деньги они обратно не получат, да это и не деньги сейчас все равно.

Потом предложило московское издательство одно, не буду уж его называть, в столице и так обид на меня много. Сказали искать спонсоров. А где я их возьму? Как старый железнодорожник, отправился в «свое» министерство. 400 тысяч долларов там пообещали, потом еще один спонсор обнадежил. А затем оба стали прятаться — не отказываются, но прятаться от моих звонков. Я растерялся. Это же не шутка, все же итог жизни — такое издание. Не знаю, откуда Ельцин узнал о моих злоключениях. Есть федеральная программа по культуре, включили в нее и дают денег к каждому тому помаленьку. Так что (я их тут уже прогневил) в любой момент могут и оборвать. Но до конца года обещают мне десятый том издать, а уж на последние тома, даже если федеральную программу и зарубят, я где-нибудь здесь по копейкам насобираю. Да я могу и на тридцать томов остановиться. Вот такие дела, а то идут разговоры всякие: дескать, Ельцин мне мешок денег привез.

Попросил я, чтобы не дороже 15 тысяч за том продавали. Сдержали слово. Само по себе событие очень важное для Красноярска — подобное издание ни до революции, ни после в провинции не было. Все издавалось всегда в Москве. А я хоть и худенький, но патриот края, Сибири. Здесь решил печатать, сам все тома комментирую. Здесь тираж и останется. А комбинат «Офсет» на моем собрании сочинений учится культуре такой работы.

— Но это важно провинции и для самоуважения, самоутверждения. Но почему вы подчас так уродливо самоуверждаетесь? Военный завод «Красмаш» почти год не выплачивал зарплату, но по договору с властями выступил одним из спонсоров очередных международных спортивных утех... Где еще с таким пренебрежением относятся к людям? Кто нас будет уважать после этого?

— Когда рабочие «Красмаша» дорогу перекрыли, они же просили директора выйти поговорить. Как же! А попробовал бы он прицаре не выйти к рабочим. Что говорить об этом... Вот снова у нас в крае выборы. Их надо было специально придумать, чтобы увидеть наше убожество. Такое мурло обнажается, такая российская канитель, плутни неловкие, что страшно становится.

Я ведь последний, кто разочаровывается в человеке и во времени, я буду до конца искать хорошие черты. Но я не могу сейчас видеть эти жизнеутраченные белозубые улыбки кремлевских обитателей, потому что я ж в деревне живу, куда-то езжу, и я знаю, в каком

положении находится Россия. Она на боку лежит, ее перевернуть на спину уже ничего не стоит, только допустить осталось к власти коммунистов, а они уж изнасилуют Россию в последний раз. Я не могу уже видеть их улыбок, не могу слышать их речей. А последняя эта история с гонорами показала, что они страшные дешевки. До этого им удавалось внушить вот таким грешникам, как я, что они все-таки солидные люди, ну, бывает, ошибаются, положение в стране досталось тяжелое, управлять ею непросто, но вот то, что они несколько раз смущенничали на кругу, показало, какие они кусочки. Крохоборы. За это и среди урок бьют. И никакой серьезный политик, даже чуть умный человек на их месте этого никогда бы не сделал.

А нам, кстати, такие гонорары и не снились. Говорят писатели как сыр в масле купаются. Конечно, я скопил какую-то сумму, которая мне помогла перебраться в Красноярск, здесь держал счет, с которого снимал деньги для жизни. 250 тысяч у меня оставалось, думал, мне их хватит до конца жизни. И это все разом в 92-м рухнуло. Я эти деньги и не трогал. Закрыв счет, только когда уже вучке перестал яблоки покупать — не на что было.

— Раньше метрополия находилась в Москве, сейчас Сибирь все та же колония, но доходы уже утекают все больше не в Москву, а за рубеж. Такая участь у региона, богатого сырьем?

— Ну, Эмираты же сумели распорядиться своими ресурсами. Не знаю точных цифр, но один немецкий миллионер говорил мне, что при Брежнев только от тюменской нефти мы ахнули, пропили 470 миллиардов долларов. На эту сумму, говорил он, вам не только можно было построить дороги по всей России, но и золотые каемки на этих дорогах сделать. А мы все расфукали. Я знал хозяйку из Вологодчины, у которой была хорошая дойная корова, овцы, куры. Так у них жрать никогда ничего не было, она корове спаивала молоко. Оно прокисло, и она спаивала. Вот и мы живем, как эта растрепанная хозяйка. Мы как расходовали все время 40 кило сырья на один килограмм продукции, так у нас и идет — вместо 4 кило сырья у буржуев. Когда европейцы работали на 25-процентной руде, обогащая ее, мы варили 50-процентную. Сегодня докапываем уже горы будущего века. Самое удивительное — золотодобытчики бедствуют.

Вот я езжу по стране, смотрю — построенный при мне цементный комбинат приобрели сейчас гаврики некие, сладили компанию, москвичи, питерцы присоединились и наладили прямой канал продажи цемента лучших марок в Турцию. Все деньги остаются за границей на счетах подставных компаний. Сейчас эти гаврики разъехались куда-то, оставив на комбинате «стрелочника»... Другой завод, металлургический, старейший, построенный французами, директор продал неизвестно кому. Когда я был там, лишь два стана работали. А директор отгробал себе шикарную усадьбу и митингует вместе с коммунистами.

— Раньше кивали на ущербность коммунистической системы приказов и команд. Сейчас — на власть бандитов и московских банкиров, мафии. Для простого народа в глубинке, для шахтеров, металлургов ничего не меняется?

— Нет, хуже стало. Они же выступают не за то, чтобы роскошно жить, а чтоб им зарплату отдали и позволили существовать хотя бы так, как они жили — в хрущевках и чтоб мало-мальское тепло в них было. Мне это стало немножко ясно, когда я был депутатом: слушал-слушал и вдруг осенило — не надо трогать народ, не надо никакой перестройки, ничего не надо, пусть идет как идет. Да, мы плохо живем по сравнению с другими, да, идем к катастрофе, но мы хоть идем медленно. Да, плохо живем, но люди наши, замороченные, замученные нескончаемыми напастями, другой жизни не знают. Кто моря не видал, тому и лужа в диковинку.

Так уж не трогайте вы их. Пусть задавит их со временем в этих хрущевках, развалятся они, вымерзнут, выроются — рожаем-то сегодня только больных детей. Красноярск, Пермь, Челябинск, многие другие города Урала и Сибири уже непригодные для жизни. Мы не готовы к изменениям, не созрели до демократии. Почему так присосалось много к заводам нашим бандитов? Да потому что сами мы не умеем управлять, мы так и не обрели достоинства. Мы ведь те самые солдаты, с которых начали наш разговор. А нас заставили думать, самих отвечать за поступки. Что получилось с нашим фермерством? Да деревня смотрит сериалы, спит от десяти до десяти, а к корове-то надо вставать к 4—5 часам утра. В «Председателе» есть замечательная фраза — Ульянов там кричит: «Вы развратились нищетою!» И в том зале, среди депутатов, мне еще тогда стало ясно, что мы не осилим этих предложенных народу изменений, не готовы мы к ним и ничего, кроме разлада, разброда, не добьемся. Так оставьте хоть видимость какого-то житья, какой-то дисциплины. Хотя бы видимость... Это выстрадаю мной.

— Драматичность финала этого тысячелетия ощущается уже в конце многих великих людей. С чем мы подходим к новому тысячелетию, что впереди?

— Да и к концу прошлого тысячелетия человечество в тяжелом состоянии подходило. У Цвейга это хорошо описано. Оно утратило искусство мореходства, знания океана, географии, судостроения, перезабыло все, что знали финикийцы, греки, римляне. Люди разучились странствовать, строить, жить. Умирили от кровосмешения, записались. И только через столетие с путешествия Магеллана началось возрождение и искусства, и жизни вообще. А на рубеже тысячелетий люди ждали второго пришествия и страшного суда. Они ждали, а мы уже ничего не ждем. Нами руководят только инстинкты. Весь мир подходит к концу тысячелетия в очень плохом состоянии, а уж в этом мире мы где-то в обзоре плетемся, все худшее от него на ходу подхватываем. Вчера фильм смотрел ночью: огромная свалка на краю города, и там существа всякие живут, сумасшедшие, смертоубийцы, истребляют друг друга, самоистребаются, а как выпьют какую-то жидкость, их сразу раздувает, оплавляет... Продавцы этой гадости наконец сам выпил ее и тоже умер. Вот такая жизнь на свалке — проект нашего будущего. А ведь на наших красноярских свалках уже живут...

...Были времена и пострашнее на Руси. Послевоенная жизнь была бедней, но мы радовались, что выжили, и потому было много добрых людей и доброты творилось. И моя повесть о том, что выжили мы только благодаря тому, что были кругом добрые люди. А не то стигнули бы — и я, и Мария Семеновна, и ребятишки. Вот исчезновение доброты сейчас, озлобление общества — самое жуткое из происходящего.

Мы потеряли свой народ, но все же есть еще прослойка хороших людей, с которыми никто, ни коммунисты, ни эти резервисты, не может ничего сделать, они все еще остаются честными, добрыми, порядочными. Однако круг этих людей все-таки размывает, размывает с краев, их все меньше, но держится то все только на них. На старообрядцах, которые у нас по притокам Енисея живут верой и трудом, здесь, в Красноярске, какой-то круг порядочных людей сохраняется, не все ж воры и мошенники, даже среди руководителей, хотя, конечно, действительность их и толкает, принуждает к бесчестию. Как-то же дужат, держатся...

После нашей беседы Астафьев поехал к ребятишкам в 106-ю школу на футбол. Смотрел на игру. Вручал призы. Подбадривал.

Алексей ТАРАСОВ, «Известия», КРАСНОЯРСК.